

УДК: 316.342:94(571.6)"1950/80"

Шестак О.И.

Стратификационная иерархия дальневосточного общества в 1950-е – 1980-е годы

The structure of the social strata of the Far East society in 1950 – 1980

Статья посвящена анализу социальной стратификации дальневосточного общества в 1950 – 1980-е годы. В ней представлены и охарактеризованы основные социальные слои и слоевые группы дальневосточного общества, показаны процессы расслоения и факторы их обуславливавшие. Стратификационные процессы, протекавшие в советском обществе, автор рассматривает как фундамент социальной стратификации современного российского общества.

Ключевые слова: *социальная стратификация, социальная поляризация, критерии стратификации, уровень жизни, социальная история, история российского Дальнего Востока, советское общество, номенклатура*

The article is devoted to the analysis of social stratification of the Far East society in 1950 – 1980. In this article the basic social layers and groups of the Far East society are submitted, characterized and the processes and the factors of the stratification are shown. The stratification processes in the Soviet society, author considers as the base of social stratification of a modern Russian society.

Key words: *Social stratification, Social polarization, Criteria of stratification, Level of life, Social history, History of the Russian Far East, Soviet society, nomenclature*

Любое развитие, в особенности социальное, всегда поступательно: ничто не возникает внезапно, спонтанно. Корни последующих событий и явлений глубоко коренятся в событиях и явлениях предшествующих, определяют направление дальнейшего хода исторического процесса. Таков принцип историзма. Социальные, экономические, политические и иные кризисы, трансформации, революции не обуславливаются минутными факторами, а проявляются как итог длительного, и, как это не парадоксально, *эволюционного* развития соответствующих процессов. Так, например, правильно будет сказать, что глубинной причиной революции 1917 года стал не социально-экономический кризис вызванный участием России в Первой мировой войне, а зародившиеся в 1880-е годы в результате эволюции российской политической системы политические партии, развившиеся в начале XX века до достаточного уровня, чтобы вступить в борьбу за власть, исполняя, таким образом, одно из своих

институционально-функциональных предназначений. А социально-экономический кризис, вызванный войной, и прочие сопутствующие ему факторы стали не более чем индикаторами, отражающими необходимость назревших изменений внешней организационной оболочки политической и социально-экономической систем на фундаменте сформировавшихся в предыдущий исторический период социальных структур и институтов. Такие периоды формирования фундамента для дальнейшего развития общества насчитывают не пять – десять, а многие десятки лет.

В научной и публицистической литературе последнего десятилетия огромное количество разнопрофильных по своей направленности публикаций было посвящено проблемам бедности, поляризации, глубокому расслоению современного российского общества, которые основная масса исследователей, политиков и публицистов определяет как следствие рыночных реформ 1990-х годов. Но возможно ли, чтобы столь глобальные изменения в социальной структуре, в стратификационной иерархии общества произошли внезапно, за 10 – 15 лет? А так ли было однородным в действительности советское общество? Или все-таки реальный стратификационный профиль, скрытый под идеологическим конструктом "классового равенства", в силу разрушения поддерживающего этот конструкт государства, стал не только видимым и явным, но и начал развиваться и углубляться не сдерживаемый более внешней идеологической оболочкой? Ответ на эти вопросы мы и попытаемся дать в настоящей статье, рассмотрев особенности стратификационной иерархии советского общества на примере общества дальневосточного в период, предшествующий началу рыночных реформ: в 1950-е – 1980-е годы.

Стратификационная иерархия или система социального неравенства имеет два аспекта: номинальный – декларируемый государством на базе официальной идеологии и подкрепленный набором соответствующих теоретических положений, и реальный – складывающийся в процессе закрепления социальных практик. Особенностью стратификационного конструкта советского общества выступало то, что государство, формируя социальное пространство, исходило не из реальных характеристик последнего, а из своих представлений о нем, которые совершенно не совпадали с действительностью. Основу такого конструкта составляла принятая идеология, основанная на официальных представлениях о структуре общества, о том, какие социальные группы являются опорой государства, а какие играют в нем разрушительную роль.

На XVII съезде партии, состоявшемся в 1934 г., И.В. Сталин в докладе "О проекте Конституции СССР" заявил, что с наступившей победой социализма в стране сформировались новые общественные классы – "освобожденный от эксплуатации рабочий класс" и колхозное крестьянство [11, с. 549]. Лица умственного труда были причислены к особой социальной прослойке – интеллигенции, "вышедшей из народа и связанной с ним тесными узами". Подчеркивался более высокий статус рабочего класса перед колхозным крестьянством и интеллигенцией в силу его "ведущей" роли в процессе перехода к коммунизму. С этого периода и до конца 1980-х гг., партийно-государственная концепция социальной структуры строилась на основе трехчленной формулы И.В. Сталина: "рабочий класс – колхозное крестьянство – народная интеллигенция", горизонтальной, по своему характеру, на которую, как на *социальный конструкт*, впервые обратили внимание научного сообщества В.В. Радаев и О.И. Шкаратан [7, с. 222-228]. Формула "два класса + прослойка" закрывала неприемлемую для советской идеологической модели реальную социальную иерархию с крайней поляризацией, где за словом "интеллигенция" скрывался и сельский учитель, кормивший себя с огорода,

и крупный номенклатурный чиновник [13, с. 67].

Реальная стратификационная иерархия сформировались в СССР в 1920-е – 1930-е гг., и с самого начала характеризовалась глубоким расчленением, где ведущим критерием расчленения выступала категория "уровень жизни". Выделяемые по уровню жизни слои представляли собой замкнутые статус-группы со своими интересами и социальными связями (супружескими, дружескими, клановыми, корпоративными), определенным образом жизни (уровнем культуры, образования, потребления, жилищными и поселенческими условиями, престижем социального положения или профессии и т.д.) и его восприятием, переживанием. Не являясь самостоятельной стратификационной категорией, уровень жизни в СССР определялся положением индивидов во властной иерархии, по характеру труда и роду занятий, доступу к благам и услугам, а также своеобразной производственно-региональной спецификой [12, с. 73-86]. Последний критерий определял уровень жизни социальных групп на основе их принадлежности как к определенным отраслям и крупным промышленным предприятиям, предоставлявшим своим работникам определенный набор социальных привилегий (таких, как возможность пользоваться домами отдыха, санаториями, закрытыми магазинами и т.д.), так и к регионам, имеющим собственную иерархию, основывающуюся на природно-климатических условиях и ресурсных особенностях производства. Стержнем такой стратификационной иерархии выступали властные отношения.

Являясь зеркальным отражением советской социальной системы, дальневосточное общество структурировалось по единым для всей страны принципам и критериям. В начале 1950-х гг. в стратификационной иерархии дальневосточного общества можно было выделить пять основных слоев, которые сохранились в неизменном виде до конца 1980-х гг. (таблица 1).

Таблица 1.
Система стратификационной иерархии
дальневосточного общества
в 1950-е – середине 1980-х гг.

Социальные слои	Внутрислойная групповая иерархия
1	1. Управляющие чиновники высшего звена (номенклатура по спискам № 1 и № 2) 2. Управляющие чиновники среднего звена
2	1. Высококвалифицированные профессионалы (с учеными степенями и званиями и др.) 2. Профессионалы с высшим образованием 3. Профессионалы со средним специальным образованием 4. Прочие служащие
3	1. Высококвалифицированные городские рабочие 2. Квалифицированные городские рабочие 3. Полу- и неквалифицированные городские рабочие
4	1. Квалифицированные сельскохозяйственные рабочие 2. Неквалифицированные сельскохозяйственные рабочие
5	1. Маргинальные элементы

Таблица составлена по источникам: Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского общества. 1917 – 1996 гг.: Опыт конструктивистского анализа. – Сыктывкар, 1996; Номенклатура и номенклатурная организация власти в России: Мат-лы Интернет-конференции "Номенклатура в истории советского общества" (ноябрь 2003 – март 2004 г.) /Под ред. В.П. Мохова. – Пермь, 2004.

Слоевое строение носило вертикальный характер. Дать четкое формальное определение слоям и их внутрисловевым группам было невозможно, так как они строились на основе реальных признаков, а не носили номинального (статистического) характера и поэтому не подлежали официальному учету.

Верхнюю ступень социальной лестницы занимал слой, получивший в отечественной науке определение "этакратия" [1; 3; 4; 5], чьи социальные позиции были обусловлены положением во властной иерархии. Именно власть и связанные с нею привилегии открывали человеку и его наследникам более благоприятные пути к материальной обеспеченности. Этакратия включала в себя высшие позиции номенклатуры: (1) руководителей органов государственного управления и их структурных подразделений, (2) руководителей и инструкторский аппарат партии, профессиональных союзов и других общественных организаций, (3) руководителей государственных и колхозных/совхозных предприятий, (4) генералов и старших офицеров армии, службы безопасности и охраны общественного порядка [4, с. 109-112].

Номенклатура была создана в апреле 1923 г. по инициативе И.В. Сталина и представляла собой подбираемые и контролируемые им самим списки государственных должностей, на высшие из которых в партийном и государственном аппаратах назначались лично преданные люди. По списку № 1 они назначались только политбюро и секретариатом ЦК, по списку № 2 – организационно-распределительным отделом ЦК (ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 43а. Д. 318. Л. 68.). С 1925 г. был введен список № 3 – на эти должности руководители отбирались уже теми, кто прошёл в государственный и партийный аппараты, но согласовывались с организационно-распределительным отделом (ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 43-а. Д. 318. Л. 68.). К концу 1920-х гг. высшая номенклатура создала к списку № 3 – Перечень № 3, куда вошли региональные управленцы, а также управленцы крупных предприятий и учреждений, и юридический Перечень № 1 в КЗоТе РСФСР – куда попала вся пирамида управленческих должностей. Это была так называемая низшая "внесписочная" номенклатура. Наконец, Перечень № 2, наименее привилегированный из "внесписочной" номенклатуры, включал в себя научно-техническую и художественную интеллигенцию (ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 43а. Д. 318. Л. 69.).

Численность номенклатуры постоянно подвергалась дополнениям, уточнениям, сокращениям, перемещениям, вызванным потребностями дня. В сентябре 1946 г. она составляла около 42 тыс. чел. [5, с. 38]. В июле 1953 г. завершился период существования крайне объемной номенклатуры – было принято постановление ЦК КПСС, согласно которому сокращалась номенклатура обкомов, крайкомов и республиканских комитетов КПСС. Реально численность номенклатуры сократилась в 1954 г. в 3–5 раз по сравнению с предшествующим периодом и затем на протяжении тридцати пяти лет сохранялась примерно на одном уровне: в 1954 г. номенклатура составляла 23576 чел., в 1958 г. – 14342 чел., 1991 г. – 19500 чел. [5, с. 38]. Посчитать количественный состав дальневосточной номенклатуры крайне сложно, известно лишь, что её удельный вес в составе занятого населения в период с 1954 по 1988 гг. колебался в пределах 5,4 – 6,1%¹.

Уровень жизни номенклатуры по отношению к другим социальным слоям и группам населения Дальнего Востока был невероятно вы-

¹ Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1954 г.: Статистический ежегодник. – М., 1955; Народное хозяйство СССР в 1960 г.: Статистический ежегодник. – М., 1961; Народное хозяйство СССР в 1970 г.: Статистический ежегодник. – М., 1971; Народное хозяйство СССР в 1988 г.: Статистический ежегодник. – М., 1989.

сок, и определялся по следующим позициям: уровень заработной платы, "временные денежные довольствия", промтоварное снабжение, транспортное обеспечение, жилищное обеспечение, санаторно-курортное и медицинское обслуживание.

Официальный размер окладов партийных работников был низким еще с ленинских времен – управленческий аппарат не должен был получать заработную плату выше передовых рабочих и квалифицированных специалистов. Однако повышение качества управленческих решений было немыслимо без создания режима благоприятствования субъектам власти – так была сформирована система льгот и привилегий.

Рассмотрим на конкретных примерах уровень оплаты труда партийных и хозяйственных работников на Дальнем Востоке. В 1950 г. был переутвержден фонд оплаты труда Камчатского обкома ВКП(б). Оклад 1-го секретаря был равен 2000 руб., оклады секретарей обкома – 1800 руб., оклады помощников секретарей обкома – 950 руб., заведующих отделами – 1600 руб., заместителей заведующих отделами – 1000 – 1600 руб., заведующих секторами и лекторов – 950 руб., и, наконец, инструкторов обкома – 900 руб. (ГАКО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 444. Л. 30.) В тоже время городские и районные партийные работники получали на 30-50% меньше. Так, оклад 1-го секретаря Елизовского горкома составлял 1500 руб., секретарей – 1300 руб., помощников секретарей – 700 руб., заведующих отделами – 1200 руб., заместителей заведующих отделами – 750 – 1200 руб., лекторов и заведующих секторами – 700 руб. (ГАКО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 444. Л. 30.) Наиболее низкая зарплата была у работников сельских райкомов. В тоже время средняя заработная плата рабочих и служащих по отраслям промышленного производства на Камчатке в 1950-м гг. составляла 1976 руб. (таблица 2), а по отдельным предприятиям рыбной отрасли превышала 2800 руб., доходя до 3900 у высококвалифицированных рабочих в УТРФ Камчатрыбпрома (ГАКО. Ф. 493. Оп. 1. Д. 170. Л. 32.).

После проведения денежной реформы в 1961 г. новые ставки заработной платы партийных работников были установлены на основе постановления ЦК КПСС от 28 февраля 1961 г. "Об упорядочении заработной платы освобожденных работников первичных партийных организаций" (ГАПК. Ф. П-48. Оп. 6. Д. 383. Л. 107.). Зарботная плата партаппарата увеличилась в 2-2,5 раза, сравнявшись по низовым звеньям с заработной платой квалифицированных рабочих.

Для компенсации официальной невысокой заработной платы в си-

Таблица 2.
Средняя заработная плата рабочих и служащих
всех отраслей экономики Дальнего Востока
в 1950 – 1960 гг. (руб. по курсу 1947 г.)

Территория Дальнего Востока	Годы		
	1950	1955	1960
Приморский край	787	893	997
Хабаровский край	965	1068	1107
Амурская область	725	736	802
Магаданская область	1224	1445	1689
Сахалинская область	1285	1979	2385
Камчатская область	1976	2898	3601

Таблица составлена на основе источника: ГАКО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 448. Л. 1.

стеме номенклатуры с 1 января 1948 г. были введены "временные денежные довольствия" – неафишируемые доплаты к заработной плате, которые значительно повышали уровень материального обеспечения работников партийного и государственного аппарата. Каждой номенклатурной должности полагался особый размер довольствия: чем выше был ранг работника, тем больше довольствия ему полагалось. Мерой измерения денежного довольствия был размер получаемого оклада (**РГАНИ. Ф. 5. Оп. 26. Д. 63. Л. 66.**). Доступ к довольствию имели только руководящие работники регионального уровня – секретари крайкомов и обкомов и заведующие отделами, получающие довольствие в зависимости от должности – от 2-х до 3-х должностных окладов. По дальневосточному региону это – не более 2,6% от общего числа номенклатурных должностей (**РГАНИ. Ф. 5. Оп. 26. Д. 63. Л. 115.**). Например, суммарно, с довольствием, общий доход 1-го секретаря Камчатского обкома был равен 8000 руб., оклады заведующих отделами – 5400 руб. С 1 августа 1952 г. "сталинские" размеры довольствия были сокращены секретарям крайкомов и обкомов на 33% (**РГАНИ. Ф. 5. Оп. 26. Д. 72. Л. 66.**), заведующим отделами – на 20%, однако их материального положения это не ухудшило.

Кроме заработной платы и довольствия высший региональный управленческий персонал получал особые надбавки на так называемые "представительские расходы" (проведение официальных банкетов, организацию совещаний и собраний и пр.), общая сумма которых составляла до 35-50% заработной платы в зависимости от должности (**ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 43а. Д. 318. Л. 68.**).

Основной формой повышения покупательной способности работников партаппарата были предназначенные для внутреннего пользования буфеты, столовые, магазины, ателье. В закрытых торговых точках (буфетах, магазинах, распределителях) ассортимент предлагаемых продуктов, лимит покупок и цены варьировались в зависимости от должности покупателя: на разных ступенях должностной иерархии предлагался и разный ассортимент (**ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 43а. Д. 317. Л. 79.**). Такая система давала стабильный доступ к дефицитным товарам, обеспечивая повышенную покупательную способность рубля. Так, в 1970-е гг. семья чиновника могла хорошо жить, расходуя 60-70 руб. в месяц (зарплата конторской уборщицы в Приморском крае), покупая товары по почти символическим ценам.

Особой формой привилегий являлась выдача части заработной платы высокопоставленным работникам инвалютными рублями ("сертификатами"), которые принимались в валютных магазинах. В 1930-е гг. сеть этих магазинов называлась "Торгсин", затем они были закрыты и восстановлены в 1950-е гг. как "Березки".

Следующей составляющей уровня жизни чиновничьего аппарата выступало промтоварное снабжение. В середине 1960-х гг. во Владивостоке при Дальневосточном морском пароходстве было создано предприятие Торгмортранс, ставшее номенклатурным спецраспределителем импортных высококачественных товаров широкого потребления от детских игрушек и одежды до бытовой техники. Дефицитная импортная продукция продавалась по ценам её отечественных аналогов через сеть закрытых для обычного покупателя специализированных торговых точек и складов. До 60% реализуемых через сеть Торгмортранса товаров в результате оказывалась на черном рынке, расцвет которого пришелся на 1970-е гг., и реализовывалась в 5 – 8 раз дороже её начальной цены. Так, если модные и дефицитные в 1970-е – первой половине 1980-х гг. американские "джинсы" в сети Торгмортранса стоили от 23 до 44 руб., а цены скупщиков на них варьировались в пределах 130 – 180 руб., то на

Таблица 3.
Обеспеченность жильем семей в городах
Дальнего Востока в 1970-е гг. (в %)

Семьи	Типы жилищных условий				
	Хорошие	Относительно благоприятные	Удовлетворительные	Стесненные	Неблагоприятные
Партаппарата	26	45	20	8	1
Специалистов управленческого звена	24	43	21	9	3
Служащих	16	27	20	30	7
Рабочих	12	24	25	18	21

Таблица составлена на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 7730. Л. 13-32.

черном рынке их стоимость составляла от 250 до 300 руб., в зависимости от "бренда" товара¹. Таким образом, номенклатура через сеть распределителей имела не только возможность обеспечивать себе комфортный образ жизни, но повышала свой материальный уровень. Эта практика повсеместно просуществовала до конца 1980-х гг.

Партаппарат обеспечивался и высоким уровнем курортно-медицинского обслуживания. Советская система медицинского обслуживания была совершенно бесплатна, но ее качество уже тогда было низкое. Услуги улучшенного качества за дополнительную плату официально купить было нельзя, однако они предоставлялись лицам, занимавшим высокие позиции во властно-административной иерархии. Для обеспечения повышенного качества медицинских услуг руководителям в рамках Министерства здравоохранения СССР в 1958 г. было создано Четвертое управление, в ведении которого находились закрытые элитные больницы и поликлиники. Такие больницы были созданы в 1950-е – 1960-е гг. во Владивостоке, Хабаровске, Южно-Сахалинске, Петропавловске-Камчатском.

Наконец жилищное обеспечение. В рыночной экономике обеспеченность жильем тесно коррелируется с уровнем доходов: чем выше доходы, тем быстрее приобретается жилье, тем оно качественнее. В советском обществе с уровнем доходов коррелировалось лишь жилье, построенное собственными силами и находившееся в личной собственности. В послевоенные годы его удельный вес в городах резко сократился. Так, среднегодовой ввод общей площади индивидуальных домов в 1981-85 гг. по сравнению с 1961-65 гг. в РСФСР уменьшился в 4,4 раза, на Дальнем Востоке – в 3,4 раза (ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 43а. Д. 318. Л. 68.).

Основным каналом приобретения жилья было получение бесплатной квартиры от государственных органов и предприятий. Квартира являлась формой материального стимулирования и предоставлялась с

¹ Из интервью с С.М. Мигеркиной, жительницей г. Владивостока, сотрудницей Тормортранса в 1970-е – 1980-е гг.

Таблица 4.
Обеспеченность отдельными квартирами
семей различного социально-отраслевого
статуса на Дальнем Востоке в 1980 г.

Отрасль	Удельный вес имеющих отдельную квартиру (%)	Отраслевой ранг
Управление	85	1
Торговля, общественное питание, мат.-техн. снабжение	84	2
Наука и высшая школа	83	3
Материальное производство	77	4
Непроизводственная сфера	66	5
Военнослужащие	54	6

Таблица составлена на основе источника: ГАКО. Ф. 493. Оп. 1. Д. 20-а. Л. 98.

учетом количества и сложности исполняемого труда, оценка которого была прерогативой администрации, в той или иной мере контролируемой профкомом. Несмотря на наличие общей очереди, в которой учитывались лишь демографические показатели, в ускоренном порядке получали жилье наиболее ценные для предприятия работники, среди которых руководители занимали первые места.

На Дальнем Востоке в 1985 г., 60,5% руководителей разного уровня получили благоустроенные квартиры в пределах 6-летнего срока ожидания в очереди, в то время как среди остальных жителей региона такие счастливицы составили лишь 34%. Собственный же дом или отдельную квартиру в регионе имел 61,5% населения, а среди руководителей – 66,5% (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 7730. Л. 19.).

Таким образом, номенклатурные чиновники были самой высокообеспеченной социальной группой. Обладание же политической властью, помимо высокого уровня материального обеспечения, делало их властвующей социальной элитой.

Второй слой стратификационной пирамиды состоял из служащих разного уровня квалификации, не обладающих управленческой властью, но объединенных общим признаком – "работники интеллектуального труда". По существу это был самый стратифицированный слой, включавший в себя социальные группы от высококвалифицированных профессионалов с учеными степенями и званиями до конторских служащих правления колхозов и совхозов. В этом слое уровень жизни внутрислоевых групп напрямую зависел от уровня квалификации и от места в производственной иерархии.

Высококвалифицированные профессионалы с учеными степенями и званиями, занимали положение межслоевой группы между первым и вторым слоем, поскольку входили в юридический перечень № 2 номенклатурного списка № 3, благодаря чему частично из своего слоя выпадали, однако к первому слою не относились, поскольку не обладали ресурсом власти. По численности эта группа на Дальнем Востоке варьировалась в 1950-е – 1980-е гг. в пределах 3670 – 4800 чел. Их средняя месячная заработная плата составляла по региону в 1960-е гг. 247 руб., в 1970-е гг. 289 руб., в 1980-е гг. – 310 руб. [2, с. 25, 67, 178]. Они обладали набором привилегий, которые распределялись в зависимости от того, какую позицию занимал тот или иной человек в профессиональной и от-

раслевой иерархии. Так, в Дальневосточном государственном университете (ДВГУ) в середине 1970-х гг. студенческую столовую разделили на две части: одна для студентов, другая – для преподавателей. Эти две части были изолированы перегородкой, отличались обстановкой, обслуживанием, меню. Ректору и проректорам носили обед в кабинет. В 1980-м гг. в университет стали завозить продовольственные пакеты с дефицитными мясными продуктами и продавать их заведующим кафедрами [6, с. 165]. Схожие процессы наблюдались и в других вузах, в академических институтах и исследовательских центрах. Профессора университетов и академических центров пользовались служебным транспортом, продовольственным снабжением, имели право не только на отдельную квартиру, но и на дополнительную жилую площадь. В структуру Дальневосточного отделения Академии наук входили собственные больницы, санаторий, клиники, столовые. Высоким был уровень обеспеченности жильем в данной группе (таблица 4). В перечне наиболее значимых производственных отраслей наука занимала третью позицию и находилась под государственной опекой, что и давало её представителям право на различные привилегии.

К высококвалифицированным профессионалам примыкали специалисты с высшим образованием. В основном это были инженерно-технические кадры, на которые в 1970-е гг. спрос в отечественной промышленности резко возрос, работники вузов и академических центров, не имеющие ученых степеней и званий, учителя школ в городе и на селе, чья разница в уровне жизни зависела от сферы приложения труда – промышленность или сельское хозяйство. Вопрос о привилегиях здесь уже не стоял. В этой группе более существенным было такое понятие как льготы, которые носили отраслевой характер.

Место отрасли в стратификационной иерархии выражалось в уровне доходов ее предприятий и работников. Социально-отраслевая пирамида строилась исходя из доминирующих в правящей элите представлений о том, какие отрасли и подотрасли наиболее важны для государства, а какие имеют второстепенное значение. В социальном плане отраслям соответствовали "сопутствующие льготы" – ускоренная очередь на получение бесплатного жилья и так называемый соцкультбыт: ведомственные санатории, дома отдыха, турбазы, плавательные бассейны, спортзалы, профилактории, охотничьи базы, детские сады, пионерлагеря и т.п., доступ к которым посторонним был либо закрыт, либо ограничен пределами неостребованных своими работниками мест. При формально большом количестве предприятий со своим соцкультбытом его качество существенно варьировалось от маленького медпункта до роскошной поликлиники с самой современной техникой и высокооплачиваемыми врачами.

Иерархия отраслей выстраивалась и по заработной плате. Наибольшая заработная плата на Дальнем Востоке была в промышленности, среди которой первое место занимала рыбная, затем шли угольная и лесная отрасли, далее следовал транспорт, строительство, торговля и общественное питание [10, с. 12-14]. Наибольшими благами пользовались инженерно-технические кадры предприятий, наименьшими – учителя школ, в особенности сельских. Разница в зарплате между инженером на предприятии и учителем на селе составляла 1,7 раза, при этом учитель не пользовался отраслевыми льготами [10, с. 12-14].

Наименее обеспеченными во втором слое были специалисты со средним образованием и служащие без образования. В основном это были конторские секретари. Однако, секретарь без образования, работающий в заводской конторе, имел большую заработную плату и доступ к благам, чем агроном с высшим образованием в сельском хозяйстве.

Часть слоя № 2 – профессионалы с высшим и средним образованием близко примыкали по размеру доходов к слою № 3 – рабочим разной квалификации, поскольку по отраслевому критерию они находились на одном уровне. Сказывалась и нормативная роль господствующей идеологии, рассматривавшей рабочий класс как основную опору режима, что вело к демонстрации превосходства рабочих над низшими слоями управленцев. Даже официальная статистика считала уровень заработной платы, объединяя эти два слоя в одну категорию – рабочие и служащие. Разница между ними была в образе и стиле¹ жизни, главным индикатором которых выступал уровень образования и культуры, определявшие престиж статуса. Престиж людей имеющих высшее образование в СССР был высок, как и престиж человека со средним образованием, но работающего в духовной сфере. Важно было не сколько человек зарабатывал, а как он эти деньги тратил, как он мог преподнести себя, какой имел багаж знаний – то, что французский социолог П. Бурдьё назвал "внешней репрезентацией": престиж социального статуса специалистов с образованием, в условиях административно-государственной системы, поднимал эти группы на более высокие позиции социальной иерархии.

Среди представителей 3-го слоя – рабочих можно было выделить три основные группы, между которыми была разница и в статусе и в доходах: высококвалифицированные городские рабочие, квалифицированные городские рабочие и полу- и неквалифицированные городские рабочие. Стратифицирующим признаком здесь был городской образ жизни, повышавший статус человека. В дальневосточном обществе в 1960-е – 1980-е гг. наибольший процент приходился на вторую группу – 63%, далее шли рабочие первой группы – 26% и третья группа составляла 11% [8, с. 34-36].

Несмотря на более высокий статус, определяемый уровнем квалификации представителей первой группы, более высокая заработная плата была у представителей второй группы. Это было связано с тем, что с конца 1960-х годов в регионе ежегодно создавались новые производственные мощности, не обеспеченные трудовыми ресурсами. Административный рынок труда требовал материального поощрения тех, кто занимает технологически важные пустые рабочие места. В результате зарплата наименее престижных, но технологически необходимых статусных позиций регулярно повышалась. В этой ситуации наиболее остро ощущался дефицит рабочих средней квалификации, обслуживавших станки и конвейеры. На Дальнем Востоке этот дефицит затронул ряд вспомогательных производственных функций – ремонт, обслуживание холодильных установок в рыбной отрасли, вспомогательный персонал в угольной промышленности (рабочие, не спускающиеся в забой, а обслуживающие транспортировку угля). Немало инженеров переходили работать на рабочие места.

Общий уровень заработных плат был достаточно высок (таблица 2). Зарплаты варьировались по отраслям промышленности, которые располагались в порядке их значимости для обороны страны. На первом месте стоял военно-промышленный комплекс (ВПК), представленный в регионе заводами по ремонту подводных лодок и судов промышленно-стратегического назначения, располагавшихся в Приморском крае и на Камчатке, работники которого в первую очередь стимулировались к качественному труду. ВПК опирался на тяжелую промышленность, которая позволяла не только поддерживать армию на современном уровне, но и модернизировать все хозяйство, укрепляя тем самым политическую стабильность государства. Поэтому приоритетное развитие тяжелой про-

¹ Стиль жизни определяется через восприятие человеком своего социального положения и построению, на основе последнего, своего повседневного поведения (О.Ш.)

мышленности всегда позиционировалось политическим руководством, и её работники были высокооплачиваемы. Далее следовала рыбная промышленность, угольная, транспорт, газ, лесодобывающая (**ГАКО. Ф. 1 69. Оп. 1. Д. 451. Л. 12.**). Рабочие этих отраслей составляли самую обеспеченную внутрисловесную группу. К тому же они имели и ряд отраслевых льгот: обеспечение жилой площадью с низким уровнем квартирной платы, бесплатное повышение квалификации, санаторно-курортное лечение, для северных районов – ежегодный оплачиваемый отпуск с оплаченным перелетом в центр страны, или на южноморские курорты, специальное продовольственное снабжение.

Особенно важна была для дальневосточных рабочих возможность получения жилой площади, поскольку жилой фонд изнашивался, а дополнительное жилье строилось недостаточно. В городах Дальнего Востока доля улучшивших жилищные условия за время работы на предприятии была больше в отраслях материального производства, чем в непроизводственной сфере (23 против 14%); в промышленности и строительстве больше, чем на транспорте и связи (24 против 17%); в культуре, просвещении, здравоохранении больше, чем в розничной торговле, коммунальном и бытовом обслуживании (18 против 7%) [**10, с. 56, 58-61**].

Четвертый слой составляли сельскохозяйственные работники. Сельское хозяйство изначально рассматривалось как второстепенная в хозяйственном и политическом отношении отрасль: оно связывалось с прошлой эпохой и работало на индустриализацию лишь как источник финансирования; крестьянство оценивалось как политически колеблющаяся сила, способная на предательство. Поэтому люди, занятые в сельском хозяйстве, были низом социальной лестницы, не смотря на то, что иногда имели хорошие доходы.

Основной производственной ячейкой в аграрной сфере в 1960-е – 1980-е гг. были колхозы и совхозы. Крестьянское хозяйство было составной частью колхозно-совхозной системы, его размеры были строго регламентированы, а налоговые и административные ограничения препятствовали развитию товарной направленности хозяйств. Уровень жизни крестьянства, характеризовался такими показателями, как совокупный доход семьи и реальные доходы. Совокупный доход формировался как суммирующий все денежные и натуральные поступления в бюджет семьи, а также выплаты и льготы из общественных фондов потребления. Структура совокупного дохода формировалась из следующих источников: доходы от работы в колхозе и МТС; поступления от продажи сельскохозяйственных продуктов, произведенных в личном хозяйстве; доходы от работы в государственных и кооперативных организациях; пенсии и пособия; доходы от кустарно-ремесленной деятельности и прочие поступления.

Доходы от работы в колхозе были представлены в виде натуральных и денежных поступлений. До 1953 г. денежные выплаты по трудодням были незначительными (не более 12% от заработанного в колхозе в среднем по региону), в основном оплата трудодня носила натуральный характер, включая выдачу зерна, картофеля, овощей. Например, в Приморском крае натуральные выплаты в 1950 г. на трудодень составляли: зерна – 1,15 кг.; картофеля – 0,08 кг.; овощей – 0,17 кг.; сена – 0,24 кг.; в 1958 г. зерна – 1,17 кг.; картофеля – 0,01 кг. К 1963 г. удельный вес денежных доходов возрос до 71,6%, а натуральные выплаты сократились почти в 3 раза (**ГАРФ. Ф. 374. Оп. 35. Д. 3234. Л. 53-54.**). Изменения в структуре оплаты труда способствовали росту денежных поступлений в бюджет семьи. В 1959 г. в колхозах Дальнего Востока доля денежных авансов варьировалась от 79,2% до 83,0% средств, определенных к выдаче по трудодню. Авансы выдавали 95,9% коллективных хозяйств ре-

гиона. С 1966 г. повсеместно была введена гарантированная денежная оплата труда, которая обеспечивала более высокий уровень жизни крестьянства, однако значительный разрыв в размерах доходов и потребления по сравнению с городскими жителями сохранялся.

Размер оплаты труда в колхозах был значительно ниже, чем в совхозах и напрямую зависел от состояния данного хозяйства, его прибыльности, характера выполняемых работ, количества отработанных семей трудодней. Так, например, в оленеводческом колхозе-миллионере "им. В.И. Ленина" Карагинского района Камчатской области более половины семей в 1963 г. имели доход от работы в общественном хозяйстве свыше 1900 руб. в год, и напротив, большинство семей в колхозе "Родина" Хайлюлинского района получали по трудодням не свыше 500 руб. в год (ГАКО. Ф. 890. Оп. 1. Д. 43. Л. 72.). Налицо существенная дифференциация в зависимости от экономического статуса колхоза: если "передовые" хозяйства Приморского края в 1965 г. выдавали на один трудодень около 5 руб., то в отстающих – менее 2 руб. (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 13. Д. 3677. Л. 14.) Наиболее высокий уровень оплаты труда наблюдался в сельскохозяйственных районах и областях – в Амурской области, в Хабаровском и Приморском краях, на Сахалине и на Камчатке средний показатель был существенно ниже.

Богатый колхоз был определяющим фактором при формировании "зажиточности". И здесь важны не только более высокие показатели оплаты труда, но и те социально-бытовые условия, которые создавались в преуспевающих хозяйствах: жилищное и культурно-бытовое строительство, пенсионное обеспечение, социальные выплаты и льготы. Хороший клуб, магазин, больница, электрификация и механизация сельскохозяйственных работ – все это входило в понятие уровня жизни. В конце 1950-х гг. некоторые экономически мощные колхозы стали строить свои пансионаты, дома отдыха. К концу 1970-х гг. в стране имелось около 200 колхозных и межколхозных санаториев, пансионатов, домов отдыха и профилакториев на 14 тыс. мест, два из которых находились в Приморском крае. На Дальнем Востоке работники колхозов и совхозов отдыхали в санаторно-оздоровительных учреждениях, принадлежащих промышленным предприятиям. Определенную часть доходов крестьяне получали из общественных фондов потребления, формируемых колхозами и совхозами, которые шли на премирование, социальное обеспечение, культурно-бытовые нужды.

Оплата труда колхозников дифференцировалась в зависимости от характера выполняемых работ. Среди профессиональных категорий сельского населения наиболее высокооплачиваемыми были представители административно-управленческого аппарата и специалисты. В частности, заработок председателя колхоза превышал в 1970 г. 200 руб. в месяц, а в колхозах "им. В. Бонивура" и "им. Кирова" Приморского края – свыше 300 руб. (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 13. Д. 3677. Л. 98.). За ними по размерам оплаты труда следовали заместители председателя, агрономы, зоотехники, главный бухгалтер, заведующие фермами и гаражом, бригадиры. Достаточно высоко оплачивалась также работа механизаторов и животноводов. Следует выделить социально-смешанные семейные хозяйства, в состав которых входили помимо колхозников также рабочие или служащие. Здесь основным источником доходов служили поступления за работу в государственных предприятиях и учреждениях. В этой категории семей месячный размер заработка в среднем превышал 450 руб. и был значительно выше уровня обычных доходов колхозников.

Личное хозяйство колхозников – еще один важнейший источник формирования бюджета крестьянской семьи. Оно полностью обеспечивало потребности крестьян в основных продуктах питания – молоке,

мясе, яйцах, картофеле, овощах и т.д. Часть сельскохозяйственной продукции шла на продажу и становилась источником денежных поступлений в бюджет. В 1970-е – 1980-е гг. около трети крестьянских семей дальневосточников (37%) обеспечивали себя полностью овощами, 32% закупали их у частных лиц и в торговле, 46% получали овощи в колхозе в качестве натур-платы [9, с. 135]. Однако, личное подсобное хозяйство особой дифференцирующей нагрузкой не несло и выполняло скорее компенсаторную функцию, удовлетворяя потребности крестьянской семьи в продуктах питания и восполняя недостаток денежных средств.

Анализируя уровень доходов колхозников, мы можем констатировать наличие распределения, свойственного обществу с общим низким уровнем материального благосостояния. Непропорционально была велика на Дальнем Востоке доля малообеспеченных семей с низкими доходами, и, напротив, мал удельный вес зажиточных семей со значительными доходами. Так, проводимые в СССР бюджетные обследования позволяют выявить следующие по размерам доходов категории крестьянства, присутствующие на Дальнем Востоке в 1960-х гг.: семьи, имевшие душевой доход менее 360 руб. в год – 45,2%; семьи с душевым доходом от 361 – до 900 руб. – 50,7%; и сравнительно хорошо обеспеченные семьи, где на 1 члена приходилось свыше 900 руб. в год, их удельный вес составлял всего 4,1% (ГАКО. Ф. 813. Оп. 14. Д. 222. Л. 112.). На размер и вариацию доходов оказывал влияние целый комплекс демографических, социальных, экономических факторов, в числе которых можно выделить возраст семьи, количество работников и иждивенцев, уровень оплаты труда работников, размеры и товарность личного хозяйства, а также размер выплат и льгот из общественных фондов потребления, поступающих в бюджет колхозников. Если раньше зажиточность зависела от внутренних ресурсов крестьянского хозяйства, то в условиях колхозно-совхозной системы приоритет получают внешние факторы и условия, среди которых следует выделить прибыльность колхоза и профессиональную занятость, что и позволило нам выделить в крестьянском слое такие группы как квалифицированные сельскохозяйственные рабочие и неквалифицированные сельскохозяйственные рабочие, причем это были именно сельскохозяйственные *рабочие*, поскольку эти люди трудились не на себя, а работали на государство за определенную плату.

Самые нижние ступени социальной лестницы занимали маргинальные элементы. Вопреки распространенному в современной науке мнению ряда исследователей, незнакомых с социологическими категориями, к маргиналам вовсе не относятся только бродяги, спившиеся люди и иные схожие с ними социальные категории. Маргинал – это человек, оказавшийся в силу определенных обстоятельств вне пределов своей социальной группы или своего слоя.¹ На Дальнем Востоке сюда относились: переселенцы не сумевшие устроиться по специальности и выпавшие из своей сферы труда; лица, приехавшие за "длинным рублем" и выполняющие высокооплачиваемые работы к которым у них не было ни склонности, ни достаточных умений; бывшие руководящие специалисты с высшим образованием, перешедшие на рабочие позиции и др. Процент маргиналов на Дальнем Востоке был традиционно высок, что было связано с колониальным характером освоения региона, и в 1960-е – 1980-е гг., он колебался в пределах 13 – 18% от трудоспособного населения. Часто эти люди имели высокие заработки, но их положение было нестабильно, в силу низкой квалификации или недостаточности умений они могли в любой момент этот заработок потерять. Поскольку до 67% из них были "кочующие" рабочие, т.е. они постоянно переходили

¹ Фр. "Marginal" – буквально "вне границ".

с производства на производство, что было возможно благодаря многочисленным "социалистическим стройкам", то они не имели ни постоянного жилья, ни каких либо крупных материальных ценностей. Многие находились в регионе временно, отсылая свои заработки семьям, оставшимся в центральной России. Не принимали этих людей и те группы, куда они пытались временно войти, поскольку они изначально имели статус "чужаков", и выполняли в данных группах самые тяжелые и непрестижные работы. Лицам с высшим образованием, перешедшим на рабочие должности, приходилось наиболее трудно из-за непривычного социального круга с низким уровнем культуры и примитивным характером потребления, они также не могли войти в новые группы, поскольку те не принимали их из-за более высокого статуса.

Таким образом, положение человека в советской стратификационной иерархии имело целый набор индикаторов, на основании которых статусные позиции упорядочивались в виде пирамиды. Это объем административной власти, имущество, находящееся в собственности, материальное и моральное вознаграждение (престиж), условия труда, уровень потребления, возможности карьеры и др. Советское общество было глубоко расслоено, что противоречило официальной идеологии, но соответствовало естественному развитию исторического процесса – стратификация является *примордиальной* (изначально заданной) характеристикой общества. Социальное расслоение все более углублялось со второй половины 1950-х годов и достигло своей максимально возможной для советской социальной системы глубины к середине 1980-х годов. С началом перестройки начал разрушаться вуалирующий, и, в силу этого, сдерживающий естественные процессы расслоения идеологический конструкт, рухнувший затем окончательно вместе с советской государственностью. Скрываемая ранее реальная стратификационная иерархия стала видимой и, с началом уже рыночных реформ, получив толчок через развитие новых форм собственности и экономической активности, продолжила развиваться по уже заданному вектору, сохранив, что особенно важно отметить, *прежний набор индикаторов*, включая объем административной власти, льготы и привилегии. Перераспределение бывшей партийно-государственной собственности и ресурсов в 1990-е годы не породило, а лишь углубило и без того крайнюю социальную поляризацию теперь уже российского общества.

Литература

1. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского союза / М.С. Восленский. М., 1991. 331 с.
2. Динамика заработной платы рабочих и служащих в СССР в 1945 – 1985 гг.: статистический сборник. М., 1986. 263 с.
3. Каратуев А.Г. Советская бюрократия. Система политико-экономического господства и её кризис (1919 – 1991) / А.Г. Каратуев. – Белгород, 1999. 365 с.
4. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945 – 1991 годы) / В.П. Мохов. Пермь, 2003. 237 с.
5. Номенклатура и номенклатурная организация власти в России XX века: Материалы Интернет-конференции "Номенклатура в истории советского общества" (ноябрь 2003 – март 2004 г.) / Под ред. В.П. Мохова. Пермь, 2004. 392 с.

6. Образование на Дальнем Востоке: история и современные проблемы //Сборник научных статей аспирантов и молодых преподавателей ХГПУ. Хабаровск, 2003. 326 с.

7. Радаев В.В. Социальная стратификация: учебное пособие / В.В. Радаев, О.И. Шкаратан. М.: Аспект Пресс, 1996. 318 с.

8. Сахалинская область в цифрах: статистический сборник. Южно-Сахалинск, 1978. 127 с.

9. Сельское хозяйство Дальнего Востока в эпоху развитого социализма. Сборник материалов. Хабаровск, 1974. 267 с.

10. Слабнина Л.А. Уровень жизни рабочего класса Дальнего Востока СССР (1946-1960 гг.): Препринт /ИИАЭ ДВО РАН. Владивосток, 1990. 31 с.

11. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1952. 679 с.

12. Шестаков О.И. Советская социальная политика и её реализация на Дальнем Востоке (1922 – 1941 гг.) /О.И. Шестаков. Владивосток: Изд-во: "Дальнаука", 2004. 184 с.

13. Шкаратан О.И. Российский порядок: вектор перемен /О.И. Шкаратан. – М.: Вита-Пресс, 2004. 208 с.